

Ирина ИОНОВА

Образ и образы кириллицы в русской поэзии

У Андрея Вознесенского есть стихотворение, которое называется «Мелодия Кирилла и Мефодия». Первая строка в нем: «Есть лирика великая – кириллица!» И есть многое в славянской азбуке, явленной миру «первоучителями», что служит источником вдохновения для стихотворцев. В русской поэзии существует особая тематическая область, которую можно назвать, перефразируя Вознесенского, «лирикой о кириллице».

Не претендуя на серьезную теоретическую значимость предлагаемых наблюдений, сделаем попытку изложить на письме праздничное выступление по поводу Дней славянской письменности и культуры, содержащее, тем не менее, элементы научного анализа. Стихотворный материал достаточно отчетливо структурируется, а если материал поддается систематизации, значит, достоин научного исследования.

По характеру использования фактического материала в поэзии о кириллице (несколько шире – в поэзии, каким-либо образом связанной со славянской азбукой) выделяется несколько типов.

1. Философская лирика, в которой осмысливается роль письменности в истории человечества, в частности, роль кириллицы в истории славян. Безупречно, с точки зрения филологической науки, говорит о цивилизационном значении письма Анатолий Гребнев в стихотворении «Слово», которое здесь приводится в сокращении.

*Во тьме немотою томилась
Вселенная тысячи лет.
И Слово явилось, как милость
Душе, обретающей свет.
... Но в сумерках древних исходов
Терялась изустная быль,
И судьбы неизвестных народов
В веках отklubились, как пыль.
Как лист над землею – до срока –
Беспамятно Слово несло,*

*Покуда нетленные строки
Чертить не умело стило.*

*Покуда на свет не пробились,
Минувшего мудрость храня,
Пергамент, береста, папирус –
Для разума сущего дня.*

*Отныне в бессмертье уходит
Всеведение литер простых.
Недаром Кирилл и Мефодий
Причислены к лику святых.*

...

Достоинство цитирования в хрестоматиях по общему языкознанию или истории русского языка стихотворение Валентина Сидорова «Кириллица» (написанное, видимо, в связи с посещением Киева).

*Так вот они – наши истоки
Плывут, в полумраке светясь,
Торжественно – строгие строки,
Литая славянская вязь.
Так вот где, так вот где впервые
Обрел у подножия гор
Под огненным знаком Софии
Алмазную твердость глагол.
Великое таинство звука,
Презревшее тленье и смерть,
На синих днепровских излуках
Качнуло недвижимую твердь.
И Русь над водой многопенной,
Открытая вольным ветрам,
«Я есмь!» - заявила вселенной,
«Я есмь!» - заявила векам.*

На фоне пейзажа, напоминающего нестеровские, творец славянской азбуки у Бориса Сиротина воспринимается как русский старец-философ (стихотворение «Святой Кирилл»).

*Леса, бесконечные дали,
Немолкнувший звездный хорал –
К нам буквы с неба упали,
Кирилл их в лукошко собрал.
И вот в теремах и хорамах,
В узорочье дивном вокруг,
В сплетении веток, в изломах –*

*Вся азбука вспыхнула вдруг.
И он, озирая с отрадой
Деревни, покосы, леса,
Увидел, как линая лада
Мерцала и шла в небеса.
На камень седой придорожный
В раздумьи светлом присев,
Он мыслил, что буквы, возможно,
Суть в космос обратный посеv.*

...
2. «Азбучная поэзия». Назовем так стихотворения, в которых сама азбука становится основным стихообразующим средством. Именно азбука, в словарной формулировке - «совокупность букв какой-нибудь письменности, расположенных в определенном порядке, алфавит». Азбучная упорядоченность букв – мнемонический феномен, почитаемый более, чем таблица умножения. Казалось бы, трудно себе представить что-то менее поэтичное, чем упорядоченная совокупность букв. Однако «азбучные стихотворения» многочисленны и многообразны. Похоже, что незыблемость общеизвестного порядка, отрицающая и исключаящая творчество, стимулирует поэтов к тому, чтобы извлечь из банального нечто исключительное и индивидуальное.

Как правило, такие стихотворения нарочиты, несколько искусственны по форме. Необходимость следовать азбучному порядку, с одной стороны, требует от авторов отточенной стихотворческой техники. Но, с другой стороны, - и это очень важное обстоятельство - такие стихотворные произведения демонстрируют богатство русского языка, который способен обеспечить материалом и философа, и виртуоза-каламбуриста, и настроенного на лингвистический эксперимент версификатора.

В стихотворении Валерия Брюсова «Июльская ночь» слова следуют в азбучном порядке начальных букв, и только если буква не может начинать слово, она находится внутри него. Обратим внимание: служебные, незначащие слова не нарушают этого строгого порядка; соседство И восьмиричного с і десятиричным просто умиляет. Кажется, не будь нужные буквы выделены, нарочитость подбора слов могла бы остаться незамеченной.

*Алый Бархат Вечерет,
Горделиво Дремлют Ели,
Жаждет Зелень – И июль
Колыбельной Лаской Млеет...
Нежно Отзвуки Пропели...*

*Разостлался Синий Тюль.
Улетели Феи Холить
Царство Чары Шаловливой,
Щебет Ъдких Эпиграмм...
Начинает снЫ неволитЬ,
мУро льет нетерпеливый –
Юга Ясный Омиям.*

«Азбучные» стихотворения по преимуществу имеют, конечно, игровой, шуточный характер. Однако игры эти – совершенно разные. «Советская азбука» Владимира Маяковского сделана вроде бы по очевидному образцу: уже в самых первых букварях каждая буква была представлена словами, которые с этой буквы начинаются.

«Советская азбука» - это узнаваемо «маяковский» стих - афористичный, злободневный, публицистически острый, с неожиданными образными решениями, множеством окказионализмов. Несколькo букв из этой азбуки.

Д

*Деникин было взял Воронеж.
Дяденька, брось, а то уронишь.*

И

*Интеллигент не любит риска.
И красен в меру, как редиска.*

Ч

*Чалдон на нас шел силой ратной.
Чи не пойдете ли обратно?!*

Замечательно стихотворение «короля каламбура» Дмитрия Минаева. Здесь пародируется обычай называть реальных лиц первыми буквами их фамилий. Хороша Россия, от А до Я! Названия букв поддерживаются внутренней (в середине строки) рифмой.

*Прошла молва, что в граде А
Сгорел в избе крестьянин Б,
Дал яд вдове наш медик В,
Сбил нос слуге помещик Г,
Был пьян в суде защитник Д;
Сорвал кольцо с девицы Е,
Был в кураже, исправник Ж.
«Иск о козе» затеял З,
Из-за пари, с соседом И;
Пьет бочкой эль художник Л,
Бьет окна всем чиновник М;
Как Диоген, неряшлив Н,*

*Пуст, как дупло, аптекарь О.
На трех повес П, Р и С.
Есть гнев у дев Т, У и Ф.
Зла, как блоха, майорша Х:
Раз на крыльце прибила Ц,
Ругнув с плеча Ч, Ш и Щ.
Из высших сфер с княгиней Ъ
Шуры-муры корнет Ы
Завел теперь в салоне Б,
В чем поощрять их стала Ъ,
А князь в Москве в отделе Э
Жену свою забыл для Ю...
Так пишут нам про те места
Учитель Я с дьячком Θ*

3. Особый вид «лирики о кириллице» составляют стихотворения, в которых источником образности становится графика – форма кириллических букв, их очертания. Этот источник метафорических наименований отразился в пословицах и поговорках русского народа: «стоять фертом», «прописать ижицу». В.И. Даль приводит пословицу: «Брюшко оником, ножки хером» (оник – название буквы О). Так что графические фантазии русских поэтов имеют древние корни в народном творчестве.

В стихотворении Льва Лосева с таинственным названием «Тринадцать русских» речь идет о тринадцати буквах, созданных для того, чтобы отражать на письме звуки нашей речи, отсутствующие у других народов.

*Стоит позволить ресницам закрыться,
и поползут из-под сна-кожуха
кривые карлицы нашей кириллицы
жуковатые буквы Ж, Х.
Воздуху! Как объяснить им попроче,
нечисть счищая с плеча и хлеща
веткой себя, - и вот уже в роще,
в жуткой чащобе Ц, Ч, Ш, Щ.
Встретишь в берлоге единоверца,
не разберешь – человек или зверь.
«Е – Ю – Я», - изъясняется сердце,
а вырывается: «Ъ, Ы, Ь».
Видно, монахи не так разрезали
азбуку: за буквами тянется тень.
И отражается в озере – езере,
осенью – есенью, олень - елень.*

Некоторые буквенные метафоры здесь очевидны, для восприятия иных необходимо воображение: «тень» йота сопровождает буквы Е, Ю, Я.

Буквенные метафоры современных поэтов ассоциативно насыщены, их осознание, «расшифровка» выводят читателя в различные интеллектуальные сферы, в духовный мир авторов.

Буквы, буквицы играют особую роль в поэзии и поэтике Андрея Вознесенского. Упомянутое в начале статьи его стихотворение «Мелодия Кирилла и Мефодия» - это лишь отголосок мыслей, чувств, замыслов и дел поэта, для которого кириллица является воплощением родного языка, русской речи.

Есть лирика великая – кириллица!

Как крик у Шостаковича – «три лилии!»

Белеет «Ш» в клавиатуре Гилельса – кириллица!

И фырчет «Ф», похожее на филина.

*Забьет крылами «У» горизонтальное –
и утки унесутся за Онтарио.*

В латынь – латунь органная откликнулась,

*а хоровые клиросы –
в кириллицу!*

*«Б» вдаль из-под ладони загляделось –
как Богоматерь, ждущая младенца.*

У Вознесенского есть прозаическое философское произведение, которое называется коротко – «О». Читатель волен понимать и комментировать это название в меру своего разумения: «О» - это буква, «О» - это предлог, так как Вознесенский здесь размышляет О многом. Буквенное содержание названия безусловно. Буквой «О», вернее, словами с такой первой буквой, начинаются все главы и главки. Эта буква получает у Вознесенского различные образные метафорические воплощения. Вот одно из них. [2, с.238]

*«Овалами антоновки тяжелела яблоня. Ее прогибающиеся ветви
дедушка подпирал рогатинами.*

*Она стояла за домом, против рассвета. Каждое утро из-за спины
силуэт ее омывался сиянием. Сквозили лучи в косую линейку. Силуэты
яблок были обведены сияющими ободками, как прописные буквы
«О» с нежным нажимом, будто утро учило чистописанию.*

*О моя первая учительница письма! Тысячи лет назад в ином саду
другая первая учительница, робея, протянула сияющую овальную
букву, с которой начался род человеческий».*

Удивительным, сказочно прекрасным древом видится поэту язык.

«Наливалось дерево языка. Вначале было слово, не имеющее формы. Человек свято и греховно сотворил форму для слова, создав кириллицу, рисунок, скульптуру.

Мне снится, как мне снится золотое дерево языка! Оно растет сквозь мою жизнь, шумит кроной надо мной».

Цветы, плоды и обитатели этого дерева – буквы кириллицы. Поэт (напомним, что А. Вознесенский – архитектор по образованию) замысливает грандиозную скульптуру, символизирующую язык.

«Крона языка – моя навязчивая идея. Мне хочется на какой-нибудь площади поставить монумент языку. Это будет памятником ушедшим великим словам – «не лепо ли ны бяшет, братие», - это будет вечный огонь живого слова. Там сольются поэзия и архитектура. Как колокола, будут раскачиваться золотые «А», сережками будут звенеть «С», фыркнет филином «Ф», будут наливаться винные гроздьи «О» - крона должно быть золотой, слегка качаться от нагреваемого воздуха, от света, человеческого дыхания».

Этот фантастический монумент языку грандиозен. Крона дерева – в заоблачной выси, а «буквицы везли через всю страну по одной-две в пятитонных «МАЗах». У них расходились швы на ухабах. Они были закинуты навзничь, как азбука для слепых. Великое небо, подобно слепцу, ощупывало их дождями, зноем, утренними лучами и сумерками» [2, с. 239] (сравним приведенное выше: «буквы – суть в небо обратный посев»).

Величественность монумента под стать тому значению, какое имеет язык для человечества и кириллица для значительной его части. Неслучайно исполнителем своего проекта Вознесенский называет Зураба Церетели!

Философское осмысление роли письма и метафоризация буквенной графики характеризуют поэзию Иосифа Бродского. Это одна из сквозных и, без преувеличения, программных тем его творчества.

«Все мои стихи, более-менее, об одной и той же вещи: о времени», - сказал Бродский в одном из интервью [1, т. I, с.11]. О времени, о человеке во времени и стихотворение «... и при слове «грядущее» из русского языка...»:

*От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.*

Развитие этой мысли видится в высказываниях поэта о том, что достоянием будущего становится речь записанная:

*Человек превращается в шорох пера по бумаге, в кольца,
петли, клинышки букв и, потому что скользко,
в запятые и точки.*

(«Декабрь во Флоренции»)

Значимыми для Бродского являются все составляющие понятия «буква». Конечно, прежде всего, это знак, связывающий человека с человечеством, позволяющий поэту оставить себя, свою речь потомкам. Однако здесь остановимся на обозначенной теме метафоризации графики.

Бродского привлекает форма букв, подсказывающая зрительные образы, часто неожиданные:

*...Только подумать, сколько
раз, обнаружив «м» в заурядном слове,
перо спотыкалось и выводило брови.*

Форма букв у Бродского служит основанием для создания олицетворенных, персонифицированных образов. Например, в стихотворении «Строфы»:

*Буквенный строй завершив деловито,
Невинно стоит в конце алфавита
Простая и скромная буква «я».
Буква как буква. Сойдется с другими,
Кивнет им головкой и лапку подаст...*

И далее: «Как тридцать третья буква, Я пячусь всю жизнь вперед».

Персонификация букв, опирающаяся на их форму, приобретает в этом стихотворении глобальный характер: буквы – это люди (или люди – это буквы?):

*Дорогая, несчастных
нет, нет мертвых, живых.
Все – только пир согласных
на их ножках кривых.*

Кириллические метафоры Бродского имеют и отвлеченно-философское, и конкретно-личностное содержание. Как Вознесенский, расположив «У» горизонтально, увидел летящую утку, так Бродский, повернув на девяносто градусов букву «в», показывает зашифрованный в этом знаке смысл:

*В облике буквы «в»
явно дает гастроль
восьмерка – родная дочь
бесконечности, столь
свойственной синеве,
склянке чернил и проч.*

*При расшифровке вода,
обнажив свою суть,
даст в профиль или в анфас
«бесконечность – о – да»...*

На фоне такого неожиданного и философски глубокого восприятия буквенной формы следующий образ может показаться поверхностным и даже по-житейски банальным. Вспомним, как лирически представлена у Вознесенского буква «Б»: она «вдаль из-под ладони загляделася, как Богоматерь, ждущая младенца». У Бродского в стихотворении «Новая жизнь»:

Люди выходят из комнат, где стулья как буква «Б»

Или как мягкий знак, спасают от головокруженья.

Однако обращение к буквам как источнику образности у Бродского тем и своеобразно, что буквенные образы его не изолированы: они являются органичным элементом поэтики. Одна из констант поэзии Бродского – замкнутое пространство комнаты, привычная мебель (в частности, стул). Это мир гонимого поэта, его пристанище, в котором защищает постоянство вещей и букв, то есть возможность писать, творить (стул, понятно, в этом процессе играет не последнюю роль).

Уже из другого стихотворения:

Не выходи из комнаты: считай, что тебя продудло.

Что интересней на свете стены и стула?

...

Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.

Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели,

Слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся

Шкафом от хроноса, космоса, ароса, расы, вируса.

(«Не выходи из комнаты...»)

Самой привлекательной, самой содержательно многоплановой, неожиданной по интерпретации является для Бродского буква «Ж». Графическая основа ее образности, очевидная для каждого, нашла отражение и в поэзии («жуковатая буква» в приведенном выше стихотворении Льва Лосева). «Ж» действительно напоминает насекомое, но у Бродского это не вызывает отрицательных реакций.

Говоришь, тебе нравится буква «Ж»?

Что ж, это красивая буква нашего языка.

Она издали смахивает на жука

И гипнотизирует мужика.

(«Театральное. С. Юрскому»)

Эту «красивую букву» Бродский узнает в самых неожиданных предметах.

...Сад густ, как тесно набранное «Ж».

(«Мексиканский дивертисмент. Гуернавака»)

*...Полицейский на перекрестке
машет руками, как буква «ж», ни вниз, ни
вверх...*

(«Декабрь во Флоренции»)

О мухе Бродский пишет, как «о букве шестирукой, ... расхристанной на месте плоском кириллицыным отголоском...».

Однако ассоциативные «выходы» буквы «Ж» у Бродского требуют особого комментария. О том, как связаны в его поэзии эта буква, муха и... муза, можно прочитать в нашей статье «"Милая кириллица" И. Бродского» [3, с. 56-65].

Вообще, чтобы воспеть кириллицу, можно ограничиться цитатами из Бродского. Ибо «черные знаки на белом», с помощью которых поэт оставил нам свою «часть речи», - это не буквы вообще. Это буквы славянские, кириллические. Слово «кириллица» является одним из ключевых в творчестве поэта, который в нобелевской речи назвал себя «всего лишь орудием родного языка». О своей поэзии он написал однажды, что это «сильных чувств динозавра и кириллицы смесь» («Строфы»).

Бродский ни разу в жизни не усомнился в том, что его стихи могут быть и должны быть написаны только на русском языке.

*... если вдруг начнет хромать кириллица
от сильного избытка вещи фирменной,
приникни, серафим, к устам и вырви мой язык.*

(«Песня о красном свитере»)

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский Иосиф. Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы. Вступительная статья В.Уфлянда. В 2-х т. Минск, «Эридан», 1992.
2. Вознесенский Андрей. Прорабы духа. Москва, «Советский писатель», 1984.
3. Ионова И.А. Милая кириллица И.Бродского // Педагогический вестник. 2003. № 1-2 (13-14).